

— Когда вышла эта пластинка, тебе было всего восемнадцать, и я ещё не знал тебя.

— А эту мы записали вместе.

— Здесь собрана вся музыка к фильмам, которую ты написал.

— А это для сериалов.

Чжун Гуаньбай не решался повернуть голову, чтобы взглянуть на альбомы. Для некоторых людей прошлые успехи словно становились проклятием, постоянно напоминая всем, что их талант иссяк.

В звуконепроницаемой комнате для занятий царила мёртвая тишина, и Чжун Гуаньбай слышал только стук собственного сердца, каждый удар которого был словно пощёчиной.

Лу Цзаоцю сел рядом с Чжун Гуаньбаем, взял партитуру «Концерта для фортепиано с оркестром № 2 си-бемоль мажор» и спросил:

— Гуаньбай, когда Брамс написал «Концерт для фортепиано с оркестром № 2 си-бемоль мажор»?

Чжун Гуаньбай задумался и тихо ответил:

— В 1881 году.

Лу Цзаоцю:

— А его «Первый концерт для фортепиано»?

Чжун Гуаньбай:

— Кажется, в 1858 году.

Лу Цзаоцю:

— Прошло двадцать три года, и за это время он не написал ни одного концерта для фортепиано, но это не помешало «Второму концерту» стать одним из величайших в истории классической музыки. В 1881 году Брамсу было 48 лет, а тебе всего 27.

Лу Цзаоцю сделал паузу, а затем сказал:

— Начни с начала.

Чжун Гуаньбай замер.

— Я хотел сказать тебе это перед отъездом в Берлин, — но тогда момент был неподходящим. Артисты всегда чувствительны и ранимы, поэтому Лу Цзаоцю не стал говорить это перед концертом. — Ты не в форме, и неважно, 27 тебе или 57, я помогу тебе вернуть прежнее состояние.

Лу Цзаоцю сел на табурет у фортепиано, взял руку Чжун Гуаньбая и положил её на чёрно-белые клавиши. Две одинаково изящные руки лежали рядом.

Идеальные пальцы Чжун Гуаньбая слегка дрожали на клавишах.

— Я не могу, я не смогу играть...

— Я мог играть самые сложные произведения Паганини в тринадцать лет, и сейчас могу.

Лу Цзаоцю взял смычок и скрипку, и зазвучала «Кампанелла» Паганини, где правая рука вела смычок, а левая щипала струны.

Лу Цзаоцю не любил демонстрировать мастерство, но когда он это делал, то превращался в машину, переводящую ноты в звуки.

Чжун Гуаньбай смотрел на пальцы Лу Цзаоцю. Вечернее солнце за окном озаряло комнату, и казалось, что на его кончиках пальцев танцуют божества.

— Но после операции я даже не мог поднять смычок.

Лу Цзаоцю опустил смычок и взял руку Чжун Гуаньбая своей, покрытой шрамами.

— Так чего ты боишься?

Лу Цзаоцю сказал, что уведёт Чжун Гуаньбая, но это не значило, что они скроются в горах. Как главный концертмейстер, он ещё и преподавал в консерватории, и месячный отпуск был пределом.

Директор консерватории отчитал его по телефону, начиная с внезапного возвращения из гастролей и заканчивая странным отпуском. Он даже вспомнил, как Лу Цзаоцю взял академический отпуск на год ради операции:

— Лу Цзаоцю, если Чжун Гуаньбай играет хорошо, ты режешь пальцы, если плохо — едешь отдыхать. Какой же ты неисправимый романтик?

Чжун Гуаньбай, сидя рядом, чувствовал себя неловко. Лу Цзаоцю, как на собрании в консерватории, ответил:

— Семья — на первом месте.

Директор Цзи Вэньтай был дирижёром, и хорошо, что Лу Цзаоцю не стоял в его кабинете, иначе Цзи Вэньтай мог бы ударить его дирижёрской палочкой. Когда-то Цзи Вэньтай смотрел на Лу Цзаоцю как на зятя, но, поняв, что это невозможно, стал относиться к нему как к сыну.

Отец ругает сына — это естественно.

Цзи Вэньтай сказал:

— Передай телефон Чжун Гуаньбаю.

Лу Цзаоцю взглянул на сидящего рядом Чжун Гуаньбая, который выглядел подавленным, и ответил:

— Скажите мне.

Цзи Вэньтай ещё немного поругался, Лу Цзаоцю молча терпел, а Чжун Гуаньбай, чувствуя вину, не выдержал, подошёл и взял телефон.

— Учитель Цзи.

— Ой, не стоит, не стоит, — ответил Цзи Вэньтай. — Я тебя не учил.

Чжун Гуаньбай спросил:

— Учитель... он смотрел трансляцию?

Цзи Вэньтай смотрел на Лу Цзаоцю. Даже если он был недоволен, это был его сын, пусть и с ненормальной ориентацией. Способности и характер были на месте, и он должен был продолжить семейное дело. А Чжун Гуаньбай был просто непослушным сыном, который не походил ни на одного из отцов из консерватории, а всё больше напоминал выходца из какой-то третьесортной школы искусств.

— Не знаю, — ответил Цзи Вэньтай с преувеличенным сарказмом. Чжун Гуаньбай почти видел,

как он качает головой. — Бедный старик Вэнь, за двадцать лет взял только одного ученика. Если бы он увидел, то, наверное, вскочил бы с инвалидного кресла.

Голос Чжун Гуаньбая стал тише:

— Я позвоню учителю, и если у него будет время, заеду к нему домой.

Цзи Вэньтай фыркнул:

— Зачем звонить? Куда он денется? Если бы я был на твоём месте, то сразу бы взял пару пачек нот и пошёл бы к нему просить прощения.

Чжун Гуаньбай несколько раз ответил «да», и только тогда Цзи Вэньтай нехотя повесил трубку.

Чжун Гуаньбай сказал Лу Цзаоцю:

— Пойдём к учителю.

Лу Цзаоцю ответил:

— Хорошо.

Дом Вэнь Юэаня находился в пригороде Пекина.

Чжун Гуаньбай, чтобы не попасться на глаза журналистам, специально взял машину Лу Цзаоцю.

Когда они уже подъезжали к пригороду, Лу Цзаоцю получил звонок от Юй Бая. Несколько дней юристы Лу Цзаоцю находились в студии, а связаться с Чжун Гуаньбаем было невозможно. Юй Бай был на грани срыва и, в крайнем случае, позвонил Лу Цзаоцю.

— Господин Лу, пожалуйста, передайте телефон Бай Гэ.

— Он за рулём, — Лу Цзаоцю включил громкую связь.

Чжун Гуаньбай, продолжая вести машину, с лёгкой усмешкой сказал:

— Юй Бай, мой телефон конфисковал господин Лу.

Юй Бай: «...» В голосе Чжун Гуаньбая он услышал что-то вроде гордости женатого человека, отдающее ещё более неприятной кислинкой, чем у обычных влюблённых. Он понял, что его хозяин, вероятно, был из тех, кто любит, когда им управляет супруга.

Юй Бай:

— Бай Гэ, ты сможешь перезвонить мне позже?

Чжун Гуаньбай спокойно ответил:

— Говори прямо.

Лу Цзаоцю всегда держался с достоинством. Он выключил громкую связь и поднёс телефон к уху Чжун Гуаньбая.

Юй Бай не знал, что Лу Цзаоцю его не слышит. Он думал, что это похоже на сцену, где злая королева хочет уничтожить династию, и он, как верный слуга, должен предупредить своего господина. Но он не осмелился сказать это вслух, только осторожно намекнул:

— Бай Гэ, на следующей неделе запись программы.

Чжун Гуаньбай взглянул на Лу Цзаоцю и сказал:

— Я знаю.

Юй Бай:

— Тогда ты...

Чжун Гуаньбай:

— Юристы в студии?

Юй Бай:

— Они не уходили.

Чжун Гуаньбай:

— Действуйте по их рекомендациям.

Юй Бай забеспокоился:

— Бай Гэ, ты правда уходишь?

Чжун Гуаньбай долго молчал.

Юй Бай, стиснув зубы, повторил:

— Правда уходишь? — Он сделал ударение на слове «правда», словно ждал, что Чжун Гуаньбай опровергнет его и скажет, что это неправда. В глубине души Юй Бай никогда не верил, что Чжун Гуаньбай действительно уйдёт.

Чжун Гуаньбай глубоко вдохнул, но не смог выдохнуть.

Он свернул на обочину, взял телефон у Лу Цзаоцю и крепко сжал его в руке.

Через некоторое время он шевельнул губами и произнёс два слова.

— Правда.

На другом конце провода тоже наступила тишина, и только через некоторое время Юй Бай сказал:

— Тогда я займусь этим.

Он закончил разговор, но не повесил трубку, и в трубке слышалось только дыхание.

— Финансовый отдел, возможно, будет работать медленнее, — с трудом сказал Юй Бай. Он почувствовал в голосе Чжун Гуаньбая долю сомнения, и это была последняя соломинка, за которую он мог ухватиться.

Чжун Гуаньбай молчал.

Юй Бай подождал, но не получил ответа, и продолжил:

— Это сестра Чжан, она в прошлом месяце развелась.

Сестра Чжан была бухгалтером студии. Какое-то время она приходила на работу с синяками на лице. Чжун Гуаньбай знал, что у неё был муж-тиран, и даже помог ей вызвать полицию. Но теперь, услышав о её разводе, он не мог сказать «поздравляю».

— Её муж сбежал, и коллекторы ломятся к ней в дверь. Она боится доставить тебе неприятности и не приходит в студию. Её дочь в этом году поступила в университет... набрала больше шестисот баллов, но денег на обучение нет.

Чжун Гуаньбай сказал:

— Возьми из студии.

<http://bllate.org/book/15543/1382802>